

Е. А. Евтушенко

Памяти Ахматовой

1

Ахматова двувременной была.
О ней и плакать как-то не пристало.
Не верилось, когда она жила,
не верилось, когда ее не стало.

Она ушла, как будто бы напев
уходит в глубь темнеющего сада.
Она ушла, как будто бы навек
вернулась в Петербург из Ленинграда.

Она связала эти времена
в туманно-тенивое средоточье,
и если Пушкин — солнце, то она
в поэзии пребудет белой ночью.

Над смертью и бессмертьем, вне всего,
она лежала, как бы между прочим,
не в настоящем, а поверх него,
лежала между будущим и прошлым.

И прошлое у гроба тихо шло
не вереницей дам богоугодных.
Седые челки гордо и светло
мерцали из-под шляпок старомодных.

Да, изменило время их черты,
красавиц той, когдатойшней России,
но их глаза — лампы доброты —
ни крутоверть, ни мгла не загасили.

Шло будущее, слабое в плечах.
Шли мальчишки. Они себя сжигали
пожаром гимназическим в очах
и в кулаках тетрадошки сжимали.

И девочки в портфельчиках своих
несли, наверно, дневники и списки.
Все те же — из блаженных и святых —
наивные российские курсистки.

И ты, распад всемирный, не убий
ту связь времен, — она еще поможет.
Ведь просто быть не может двух России,
как быть и двух Ахматовых не может.

2

Ну, а в другом гробу, недалеко,
как будто рядом с библией частушка,
лежала в белом простеньком платке
ахматовского возраста старушка.

Лежала, как готовилась к венцу,
улав стирать, мести, скрести и штопать,
крестьянка по рукам и по лицу,
а в общем, домработница, должно быть.

Быть мертвой — это райское житье.
За ней так добро люди приглядели,
и, словно перед праздником дите,
и вымыли и чисто приодели.

Цветами ее, правда, не почли,
но был зато по мерке гроб подогнан,
и дали туфли, новые почти,
с квиточками ремонта на подошвах.

Была она прощающе ясна
и на груди благоговейно сжала
сухие руки, будто бы она
невидимую свечку в них держала.

Они умели в жизни все уметь
(писали, правда, только закорюки),
тяжелые и темные, как медь,
ни разу не целованные руки,

И думал я: а может быть, а вдруг,
но все же существуют две России:
Россия духа и Россия рук —
две разные страны, совсем чужие?!

Никто о той старушке не скорбел.
Никто ее в бессмертные не прочил,
И был над нею отстраненно бел
Ахматовой патрицианский профиль.

Ахматова превыше всех осанн
покоилась презрительно и сухо,
осознавая свой духовный сан
над самозванством и плебейством духа.

Аристократка? Вся оттуда, где
под рысаками билась мостовая!
Но руки на цветах, как на воде,
покачивались, что-то выдавая.

Они творили, как могли, добро,
но силы временами было мало,
и, легкое для Пушкина, перо
с усмешкой пальцы женские ломало.

Забыли пальцы холодок Аи,
и поцелуи в Ницце, Петербурге,
и, на груди сведенные, они
крестьянскою усталостью набухли.

Царица без короны и жезла,
среди даров почтительности тусклых,
была она прощающе ясна,
как та старушка в тех дареных туфлях.

Ну, а старушка в том, другом гробу
лежала, не увидевшая Ниццы,
с ахматовским величием на лбу,
и между ними не было границы.